

Павлушков Александр Рудольфович

канд. ист. наук, доцент

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН»

г. Вологда, Вологодская область

DOI 10.31483/r-99730

СИСТЕМА ЦЕРКОВНЫХ НАКАЗАНИЙ И ЕПАРХИАЛЬНЫЙ СУД ПО УСТАВУ ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ 1841 Г.

Аннотация: в статье раскрывается значение Устава духовных консисторий 1841 г. в системе церковных наказаний, объясняются причины его появления. Главной целью принятия устава было повышение роли и эффективности епархиального управления путем более четкой регламентации деятельности консистории и епархиального архиерея. Выявлены не только особенности различных форм церковных наказаний, но и показана их зависимость от видов проступков и преступлений. Рассмотрены законодательные противоречия отдельных положений устава.

Ключевые слова: церковные наказания, Устав духовных консисторий, церковные правила, духовенство, церковный суд.

Устав духовных консисторий (далее Устав) – это кодифицированный акт церкви и государства, регулировавший важнейшие вопросы епархиального управления и организации церковной жизни на местах. По своему назначению и содержанию он в переработанном виде объединил многочисленные церковные правила, изданные ранее Синодом. Устав был утвержден и подписан императором 27 марта 1841 г. [1].

Принятию Устава предшествовала большая подготовительная работа. Специальная комиссия изучала не только действующее законодательство, но и сложившуюся практику деятельности епархий. Потребность в создании такого уровня документа была очевидной. С момента выхода Духовного регламента 1721 г., утвердившего новую структуру высших органов церкви и новую модель взаимоотношений церкви и государства, в РПЦ произошли глубокие изменения,

которые требовали соответствующего юридического оформления [2]. В частности, были созданы новые епархии, проведена секуляризация, отменена структура деления епархий на классы, введены новые духовные штаты, утвердившие численность клира, епархий и монастырей [3]. Следовательно, новый документ должен был не только закрепить произошедшие перемены, но и отразить принципиальные моменты в организации церковного управления.

Одной из основных причин принятия Устава была необходимость повышения роли епархии и епархиального архиерея, особенно в вопросах контроля за церковно-приходской жизнью. Ранее принятые решения Русской православной церкви (РПЦ) значительно усиливали надзор архиереев за нравственным состоянием вверенного им духовенства. «Личное усмотрение» архиереев обязывало их ежегодно совершать объезды епархий, составлять ежегодные отчеты, незамедлительно докладывать обо всех происшествиях в Синод. Усиливались требования к моральному облику и самих епархиальных архиереев, их собственная жизнь «должна быть для прихожан примером доброго поведения» [4, с. 103–104]. Повышение эффективности управления требовало усиления и судебной власти архиереев, которая бы давала больше оперативности в разрешении споров.

Таким образом, неурегулированность церковного управления и необходимость укрепления церковной власти на местах требовала оформления нового документа, с помощью которого бы, с одной стороны, были объединены ранее изданные распоряжения, а с другой стороны, сделана определенная фильтрация устаревших положений. Вместе с тем систематизация церковного права носила ограниченный характер. В Устав в не вошла значительная часть церковных актов, что со временем потребовало его глубокой переработки следующего издания (1883 г.) [5].

Важнейшей формой епархиальной власти была судебная юрисдикция консистории, то есть право самостоятельно осуществлять судебные функции. Устав делился на четыре части (раздела) [1]. Первый раздел включал общие положения

и основные источники по организации церковной деятельности на местах, второй – предметы и пределы власти консистории, третий – епархиальное судопроизводство, четвертый – состав и делопроизводство консистории. Вопросы, связанные с церковными наказаниями, регламентировались третьим разрядом Устава.

Третий раздел объединял 121 статью, объединенных в восемь глав: о ведомстве епархиального суда (ст. 158–162), о проступках и преступлениях духовенства (163–207), о спорах духовенства по движимому и недвижимому имуществу (ст. 208–210), о жалобах на духовных лиц (ст. 211–215), о незаконных браках (ст. 216–228), о прекращении и расторжении брака (ст. 229–260), о законности брака и рождении детей (ст. 261–277), о наложении церковной епитимьи (278–279).

Таким образом, вопросы формального определения правонарушений и наказания духовенства по своему объему занимали существенное место (около 29%). Общая позиция законодателя сводилась к более четкому регламентированию деятельности епархиальных судов. Она была отражена в следующих положениях:

Во-первых, был определен порядок судопроизводства. Судебный процесс стал более формализован: устанавливались сроки рассмотрения дел и последовательность процедур, предоставлялась возможность обжалования решений в вышестоящие инстанции, запрещалась медлительность и затягивание дела. Устанавливался принцип обязательности: «всякое дело должно получить особое решение, строго воспрещалось откладывать приговор» (ст. 180).

Основанием для начала судебного дознания являлись сообщения присутственных мест, донесения благочинных, прошения прихожан, жалобы светских и духовных лиц, собственное признание виновного. Однако перечень оснований не был строго установлен. Епархиальный архиерей имел право инициировать дознание на основании «доходящих сведений», которые формально никак не определялись (слухи, устные сообщения, анонимки). Архиерей получил право «производить негласное дознание» для проверки поступающих сведений на предмет

справедливости обвинений. Негласное дознание поручалось благочинным или доверенным лицам (ст. 165).

Епархиальный суд делился на архиерейский и консисторский. Принципиальным отличием было то, что суд архиерея рассматривал проступки по неведению, «несоединенные с явным вредом». Однако и здесь присутствовала неурегулированность. В частности, архиереям разрешалось вести дела, требующие избежать общественной огласки (ст. 165). Главная роль в епархии принадлежала суду консистории. Она могла требовать обвиняемого для допроса, имела следователей, контролировала следствие и судебный процесс в целом.

Во-вторых, Уставом устанавливались меры взыскания и исправления для виновных духовных лиц: лишение сана, временное запрещение, временное испытание в архиерейских домах и монастырях, отрешение от места, исключение за штат, «усугубление надзора», штраф, поклоны, выговор, замечание. Этот перечень расширялся за счет внутри видового деления церковных наказаний (например, закреплено временное запрещение священнослужения с отрешением от места и с сохранением места). Можно обнаружить замещение понятия «наказание» усилением надзора, что вызывало внутреннее противоречие при их толковании, поскольку надзор и наказание как самостоятельные функции отличались по своему содержанию.

Все виды наказания можно свести в три группы: 1) влекущие радикальные последствия (исключение из духовного сословия за серьезные правонарушения); 2) отсылка на исправление в монастырь или архиерейский дом; 3) административные меры.

В-третьих, Уставом регулировалось правоприменения церковных санкций, то есть устанавливалась прямая зависимость мер взыскания от различных видов (степеней) проступков и преступлений. Так, лишались сана все духовные лица, виновные в совершении уголовных преступлений, а также приобщившиеся к ереси или расколу. Однако судьба последних (раскольников) в случае чистосердечного признания могла решаться по «усмотрению вышестоящего начальства»

(ст. 188). Это означало, что в исключительных случаях Синод по отношению к ним мог избрать более мягкую меру наказания.

Устав регламентировал применение ссылки в монастырь. Основаниями для ее назначения были: вымогательство незаконной платы за производство треб, «нанесение обид словами» (оскорбление), нетрезвость, заключение незаконных браков (несовершеннолетие, отступление от правил).

Таким образом, Принятие Устава Духовных консисторий отражало, с одной стороны, тенденцию упорядочивания церковного судопроизводства, с другой – попытку сближения церковного и светского права. В судебном процессе ведущее место занимала консистория. Ее роль постепенно повышалась. Вместе отдельные положения Устава сохранили противоречивость: частичная несогласованность со светским законодательством, неполнота и расплывчатость формулировок, подмена отдельных понятий в силу несовпадения толкования. Указанные противоречия не являлись ошибками законодателя, а отражали попытку сближения светского и церковного права как определенный социальный компромисс.

Список литературы

1. Устав духовных консисторий 1841 // ПСЗ-II. – Т. XVI. – №14409.
2. Павлушков А.Р. Епархиальное судопроизводство в практике применения церковного наказания XVIII–XIX веков / А.Р. Павлушков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2013. – №1. – С. 23–32.
4. Бердников И.С. Краткий курс церковного права / И.С. Бердников. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1888. – 468 с.
5. Барсов Т.В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т. 1 / Т.В. Барсов. – СПб.: Синодаль. тип., 1885. – 663 с.
6. Суворов Н.С. Курс церковного права. Т. 1. Пар. 95–96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nlr.ru/eres/law_r/coll.php?part=1azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Suvorov/kurs-tserkovnogo-prava-tom-pervyj/19_2#sel=10:27,10:65;12:1,12:23;20:60,20:98 (дата обращения: 20.10.2021).